

219) могут быть сделаны по материалам, собранным А. Воскьяном²⁵.

К изложению истории крепости Ансар (Гоння) (с. 346) можно добавить, что, по свидетельству грузинского агнографа конца VIII в., крепость вместе с Трапезундом и Никопсией входила тогда в состав византийских владений²⁶.

Κύρρης Κ. Π. Τό Βυζάντιον κατά τὸν ΙΔ' αἰῶνα. Τ. 1. Ἡ πρώτη φάσις τοῦ ἔμ φυλίου πολέμου καὶ ἡ πρώτη συνδιαλλαγὴ τῶν δύο Ἀνδρονίκων (20. IV — φθινόπωρον 1321): ἐσωτερικὰ καὶ ἐξωτερικὰ προβλήματα. Λευκωσία; Κύπρος: ἐκδόσεις Λαμπούσα, 1982. XI. 229 Σ.

Монография К. П. Кирриса «Византия в XIV в. Первый этап гражданской войны и первое перемирие двух Андроников (20.IV—осень 1321 г.): внутренние и внешние проблемы» представляет собой публикацию диссертационной работы, защищенной ученым на философском факультете Янинского университета. Предполагается, что исследование будет продолжено и труд К. П. Кирриса охватит материалы по внутренней и внешней политике Византии вплоть до 1354 г.

В основной части монографии рассматривается история разрыва в 1321 г. отношений между императором Андроником II (Старшим) и его внуком-соправителем Андроником III (Младшим). Одной из своих важнейших задач автор труда считает точное изложение и научно обоснованное истолкование событий византийской истории в их хронологической последовательности (с. X). Использование широкого круга разнообразных (нарративных, эпистолографических, риторических, агнографических, актовых) источников позволяет исследователю провести всесторонний анализ внутреннего и внешнеполитического положения Византии накануне гражданской войны 1321—1328 гг. достоверно установить ход и датировку событий 1321 г.

Проследим вместе с автором труда основные вехи общественно-политической жизни Византии на ее пути к внутриполитическому кризису третьего десятилетия XIV в. Повествование начинается с указания на основные общественные противоречия периода царствования Андроника II. Противоречия между императором и церковью, императором и знатью, центральной властью и провинциальными правителями, по мысли К. П. Кирриса, привели страну на грань гражданской войны (с. 1). В 1317—1320 гг. наступило первое охлаждение отношений старшего и младшего Андроников друг к другу. Между ними начинается скрытое до поры противоборство. Андроник Младший находит союзников в лице политического авантюриста Сиргиана, наместника Западной Македонии Феодора Синадина, могущественнейшего феодала Иоанна Кантакузина, состоятельного выходца из общественных низов Алексея

В целом исследование Э. Брайера и Д. Уинфилда — фундаментальный труд по истории Понта. Мы полагаем, что ему суждена долгая жизнь в науке.

С. П. Карпов

Апокавка. К. П. Киррис совершенно справедливо показывает, что инициатором заговора против Андроника II был Сиргиан (с. 18—20). Затем ведущая роль среди заговорщиков перешла к Иоанну Кантакузину (с. 44—47).

Важнейшим фактором борьбы за власть в Византии конца второго—начала третьего десятилетия XIV в., согласно воззрениям К. П. Кирриса, является осложнение внешнеполитического положения. В указанное время разгорается соперничество сербских королей с их болгарскими соседями за влияние на константинопольский двор; во Фракию неоднократно вторгаются татары; в Фессалии мародерствуют каталанские рыцари; над прибрежными областями европейских провинций Византии висит постоянная угроза пиратских нападений турок. В данных обстоятельствах деятельность руководителей политического переворота, как справедливо подчеркивает К. П. Киррис, подрывала международный авторитет и обороноспособность византийского государства (с. 25, 58).

В исследовании К. П. Кирриса поставлен вопрос о соотношении классовых сил в преддверии гражданской войны 1321—1328 гг. Ключ к решению этой проблемы автор монографии находит в осмыслении внутренней политики Андроника II. Возросшие военные издержки, включающие содержание наемного войска, падение курса византийской номисмы и вызванный этим рост цен, наконец, щедрые пожалования афонским монастырям, сопровождающиеся дарованием им податных привилегий — вот, в представлении исследователя, характерные черты внутренней политики старого императора. Ее непосредственным результатом стало увеличение налогового бремени населения страны, чьим недовольством воспользовались руководители переворота (с. 21, 28—33).

Необходимо оговориться, что проблема расстановки классовых сил в Византии накануне гражданских войн 1321—1328 гг. и 1341—1349 гг. до сих пор остается малоизученной. В значительной мере это объясняется скудостью информации сохранившихся источников. К. П. Киррис, воссоздавая обстановку в стране

²⁵ Воскян Амазасп. Монастыри провинций Себастья, Харберд, Диарбекир и Трапезунд. Вена, 1962. На арм. яз.

²⁶ Иоанн Сабанидзе. Мученичество Або Тбилели // Памятники древнегрузинской агнографической литературы / Груз. текст перевел, исследованием и примечаниями снабдил К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1956. С. 50.

накануне мятежа Андроника Младшего, привлекает свидетельства Никифора Григоры и Фомы Магистра (с. 49 и далее). Произведения последнего, датируемые концом апреля 1321—1326 гг., рассказывают о городских волнениях, которые, судя по всему, потрясли византийское общество уже в ходе гражданской войны. Однако риторичность сочинений Фомы Магистра не позволяет провести детальный анализ социального состава сторонников политического переворота. Использованный же исследователем фрагмент «Истории» Никифора Григоры указывает, пожалуй, на поддержку Андроника Младшего городскими верхами¹.

Однако вовсе не ограниченность сведений, которыми располагает К. П. Киррис, делает его представление о соотношении классовых сил в канун гражданской войны 1320-х годов уязвимым. Анализируя ее предпосылки, исследователь утверждает, что внутренняя политика Андроника II вызвала неудовлетворенность различных «группировок всех социальных слоев». Конкретно он упоминает о прониарах, стратиготах и землевладельцах — той части господствующего класса, чьи интересы ущемляла «промонашеская» политика Андроника II (с. 28). Автор монографии умалчивает о политической ориентации торгово-ремесленной верхушки городов, отказываясь от характеристики фактического положения социальных низов городского и сельского населения. Таким образом, в столь хорошо продуманной и, на первый взгляд, логически завершенной концепции византийского общества первых десятилетий XIV в. анализ соотношения классовых сил недостаточен и глубок.

При описании первого этапа гражданской войны К. П. Киррис особое внимание обращает на положение в стане восставших. Как известно, провозглашение мятежными феодалами податных льгот фракийскому населению расширило социальную базу возглавляемого Андроником Младшим восстания². В этой связи К. П. Киррис подчеркивает, что ее неоднородность послужила причиной изначально коренившегося в их рядах раскола (с. 69—70). Выявление противоречий между вождями мятежа стало одной из главных сюжетных линий второй главы опубликованного труда. Результат таков: инициатором военного похода на Константинополь был Сиргиан, Феодор Метохит и Иоанн Кантакузин отнесены к числу «умеренных» сторонников Андроника III, ратующих за мирное покорение столицы. Для правильного понимания колебаний политического курса Андроника III важны коррективы исследователя по вопросу о противоречиях между рядовыми воинами и их военачальниками, а также — ходе двукратных состоявшихся в конце апреля

и начале июня 1321 г.) переговоров между Андрониками (с. 82—83, 97—99).

Анализируя условия мирного договора, заключенного враждующими сторонами 6 июня 1321 г., К. П. Киррис подчеркивает, что признание за Андроником III права на самостоятельное управление частью страны вело к расчленению византийского государства (с. 107—114). В дальнейшем, в третьей главе исследования, автор указывает на стратегическое значение раздела территории страны между Андрониками (с. 116—117).

Третья глава почти целиком опирается на активные материалы. Они позволяют исследовать изменения административного деления Македонии и Фракии, происшедшие в результате раздела территории между Андрониками, переход земельной собственности из рук сторонников старого императора к приверженцам его внука, позволяют выявить стремление Андроника III к подрыву приоритета деда в сфере международных отношений.

К. П. Киррис вполне обоснованно считает период с начала июня до осени 1321 г. временем короткой передышки и подготовки враждующих сторон к следующему этапу борьбы (с. 121). Высокие расходы Андроника III на подготовку к предстоящей борьбе с дедом обусловили отказ от выполнения обещаний податных льгот для широких масс фракийского населения. Прямым следствием этого явилось сужение социальной базы восстания (с. 121—123).

Неплохим дополнением к тексту исследования служат приложения «Византиско-татарские связи вплоть до 1321 г.», «Титулы непосредственных соратников Андроника Младшего», «Дипломатические связи Византии с мамелюками в 1261—1320 гг.». Выделяется первое из названных приложений (с. 153—177). Оно содержит обзор литературы, посвященной взаимоотношениям Византии с татаро-монголами во второй половине XIII—первой четверти XIV вв. В приложении прослеживается политический курс Византии в отношении к Болгарии, нередко поддерживавшей половцев и татарские набеги на византийские территории, и раскрыты связи Византии с Золотой Ордой и древнерусскими княжествами.

Знакомясь с исследованием К. П. Кирриса, нетрудно заметить, что большинство наблюдений и обобщений ученого касается положения различных группировок господствующего класса Византии и особенностей мировоззрения отдельных его представителей. Благодаря этому он вносит значительный вклад в изучение идеологии господствующих слоев поздневизантийского общества. К. П. Киррис убедительно доказывает силу византийской политической традиции, признававшей

¹ Никифор Григора, описывая приверженцев мятежного Андроника III, прибегает к традиционным риторическим клише. В числе его сторонников названы «демагоги», «городские архонты», «главы семейств», блюстители порядка и судьи. См.: *Greg. Hist. Vopnae*, 1829. Vol. I. P. 316.16—317.1.

² См.: *История Византии*. М., 1967. Т. 3. С. 125.

поведителем империи властелина царственного града. И в XIV в. эта мысль владела умами претендентов на императорский престол (с. 114—115).

Одновременно греческий исследователь обнаруживает явное стремление вскрыть «психологические» мотивы и механизм формирования идеологических установок представителей господствующего класса поздней Византии. Согласно войска Андроника III на его перемирие с дедом, чему первоначально противилась отборная часть воинов, он называет «классическим образцом» воздействия «психологии и идеологии» руководителей, ратующих за претворение своей политической цели, на сознание подчиненных им масс (с. 104).

Если с приведенным тезисом К. П. Кирриса можно спорить или соглашаться, то интерпретация взаимоотношений Иоанна Кантакузина с его матерью Феодорой вызывает возражение. Ученый утверждает, что отношения между ними обусловлены специфичным воздействием матери на психологический склад и политическую деятельность сына. Оно проявляется в «инстинктивном „материнском комплексе“», осмысливаемом как аналогия фрейдистского «Эдипова комплекса» (с. 26—27, примеч. 39). Иначе говоря, перед читателем — вариант неофрейдистского объяснительного принципа психогенеза. По мысли западных психологов, он призван охватить взаимодействие врожденных биологических потребностей предопределенных реальностью социальных явлений. Притом социальное начало — в данном случае политическая карьера Иоанна Кантакузина — представляется в форме внутрисемейных личностных отношений³. Словом, исследователь идет по пути искусственной «психологизации» политической деятельности Иоанна Кантакузина.

В ходе анализа материалов К. П. Киррис неоднократно пытается сопоставить события 1320-х годов с аналогичными явлениями периода зилотского восстания в Фессалонике (с. 20, 71, 77—78)⁴. Однако результаты разрозненных наблюдений поверхностны. Утрирована интерпретация конфискаций приверженцами Андроника Младшего имущества сторонников Андроника II. К. П. Киррис, отмечая политическую активность социальных низов, отрицает официальный характер конфискаций как 1320-х, так и 1340-х годов и объясняет их «грабежами». Основная причина «грабежей», как говорит исследователь, кроется в «сословной ненависти» бедняков к богачам. Исходя из этой, в общем-то верной по-

сылки, он объясняет «грабежи» жадной «обогащения», которая, по его мнению, искони присуща простолюдям (с. 76—78). Вне всякого сомнения, греческий ученый смешивает воедино разнородные по своей сущности явления: стихийные выступления бедноты против угнетателей и политические контрмеры, в которые вовлекались общественные низы. Первое не исключает второго. Как известно, активное участие городского плебса в «грабежах» 1340-х годов провоцировалось стоявшими у власти противниками Иоанна Кантакузина. Но политическая направленность деятельности зилотов не была адекватна по своей социальной значимости выступлениям народных масс⁵. Итак, методологически упрощенная интерпретация стихийных народных волнений приводит К. П. Кирриса к малообоснованному однозначному решению многогранной проблемы классовой борьбы в Византии 1320-х и 1340-х годов.

Помимо концептуальных, в опубликованном труде можно отметить и фактические ошибки. В частности, ошибочно определена дата Воскресенья Православия в 1321 г. — 10 марта. В марте 1321 г. воскресенье приходилось на 1, 8, 15, 22, 29 числа этого месяца (с. 40).

Спорной остается датировка отправления посольства Андроника II к внуку (30 апреля 1321 г.) в связи с приближением в конце апреля 1321 г. возглавляемого Сиргианом войска к Константинополю (с. 82). Ссылка К. П. Кирриса, желающего уточнить дату отправления посольства, на якобы указавших ее Никифора Григору и Иоанна Кантакузина (с. 83) вводит в заблуждение. Иоанн Кантакузин, рассказывая об этом посольстве, не говорит о времени его отправления и прибытия в Андрианополь, где послы были приняты Андроником Младшим⁶. Никифор же Григора в своем сочинении указывает только продолжительность (четыре дня) движения войска от Андрианополя до Силимврии⁷. По предположению К. П. Кирриса, войско Андроника III выступило на Константинополь 24—25 апреля 1321 г. (с. 70—71). Следовательно, оно должно было расположиться у Силимврии 28—29 апреля 1321 г. Если верить Никифору Григоре, Андроник II спешил отправить послов до приближения войска внука к константинопольским стенам, что могло бы побудить горожан к восстанию⁸. Таким образом, посольство отправилось в дорогу на верняка до 30 апреля 1321 г., скорее всего, до прибытия войска Андроника III к Силимврии.

³ Ср.: *Белявский И. Г., Шкуратов В. А.* Проблемы исторической психологии. Ростов н/Д, 1982. С. 79—80.

⁴ Исследователь без дополнительных разъяснений датирует зилотское движение 1341—1350 гг., игнорируя общепринятую, в том числе в греческой историографии, хронологию фессалоникского восстания — 1342—1349 гг. Ср., например: *Βασιλόπουλος* 'Ατ. 'Ε. *Ἱστορία τῆς Θεσσαλονίκης*: 316 π.Χ. — 1383. Θεσσαλονίκη, 1983. Σ. 148.

⁵ Ср.: *Курбатов Г. Л., Рутенбург В. И.* Зилоты и чомпи // ВВ. 1969. 30. С. 27 и далее.

⁶ *Cant. Hist. Bonnae*, 1828. Vol. I. P. 94.10—97.3; 110.22—111.2.

⁷ *Greg. Hist. Vol. I. P.* 319.21—320.4.

⁸ *Ibid.* P. 320.5—8.

Итак, К. П. Киррис выполнил первую часть задуманного им исследования. Окончательный вывод о нем предстоит

сделать после выхода в свет планируемого продолжения монографии.

Ю. Я. Вин

Baginski A., Tidhar A. Textiles from Egypt 4th—13th Centuries C. E./ L. A. Mayer Memorial Institute for Islamic Art, 1980. Tel-Aviv, 1980. 176 p. 272 кат. номера, 8 цв. табл., много черно-белых ил. и рис.

Летом 1980 г. Институт исламского искусства в Иерусалиме организовал выставку изделий из ткани, обнаруженных в христианских захоронениях Египта и известных под названием «коптские ткани». Вещи на выставку были представлены семью музеями Израиля и рядом частных лиц — всего 272 памятника, датируемых с конца III по XIII в.

Алиса Багински и Амалия Тидар составили каталог этой выставки, выпущенный в Тель-Авиве в 1980 г., за несколько месяцев до открытия экспозиции. Ценность этого издания заключается прежде всего в том, что большинство из представленных в нем вещей вводится в научный оборот впервые.

Структура книги обычна для такого рода изданий последних лет. Открывается она предисловием, написанным Вальтером Эгтоном (с. 5), затем следуют: вступление (с. 7—18), технические сведения (с. 19—23), глоссарий (с. 24—33), каталог (с. 36—173; 272 номера), библиография (с. 174—176).

Представленный на выставке материал охватывал промежуток времени почти в тысячу лет. Авторы довольно полно охарактеризовали развитие ткачества в Египте за это время, увязав его с историческими, культурными и даже экономическими особенностями страны, пережившей умирание язычества, оформление феодальных отношений, укрепление и расцвет христианства, подчинение арабам и исламизацию.

Авторы рассматривали материал не как замкнутый в себе художественный феномен, а как культурное явление, демонстрирующее широкие и разносторонние связи с соседними странами по линии орнаментальных мотивов и сюжетов, применявшихся материалов, красителей, технических приемов и даже моды. Основное внимание Багински и Тидар, естественно, уделили анализу орнаментики и фигурным изображениям на тканях, разделив их на три основные группы: классические, христианские, восточные.

В первой группе, где мотивы в основном черпались из арсенала греко-римской художественной традиции, выделены самые многочисленные композиции, связанные с дionyсийским культом.

Во второй группе, с преобладанием христианской тематики, совершенно верно подчеркнута популярность «среди всех слоев египетского общества и во всех религиозных общинах» (с. 14) эпизодов истории патриарха Иосифа.

В последней, третьей группе объединены ткани с восточными мотивами. Поздние памятники авторы характеризуют как ткани «коптско-исламского стиля».

За вступлением следуют «Технические сведения». Эта часть построена на широ-

ком использовании «Словаря технических терминов» (Лион, 1964 г.), разработанного Международным Центром изучения древнего текстиля (СИЕТА), что обеспечило составителям каталога возможность квалифицированно рассмотреть вопросы техники и технологии ткачества, характера покроя и убранства одежд, завес, накидов и т. п. — материала, определяющего специфику коптского ткачества.

Своеобразным продолжением этой части не только по расположению в книге, но и по сути является «Глоссарий». Он включает полсотни связанных с ткачеством терминов, большая часть которых сопровождается наглядными схематическими рисунками и фотографиями.

Каталожная часть самая большая. Построение ее традиционно: назначение фрагмента (полоса, прямоугольник, медальон), время изготовления, место хранения и инв. номер, подробные технические данные, указания на цвет; большинству памятников указаны аналогии (как правило, иконографические). Все вещи воспроизведены, восемь из них повторены в цвете. Часть памятников представлена фрагментарно, что нельзя признать оправданным, — теряется общее представление о них.

Удачен прием, когда авторы свои положения подкрепляют не только отсылками к литературе, но и указаниями на фигурирующие в каталоге памятники.

В работе много наблюдений, интересных не только для искусствоведов, но и историков, историков культуры. Например, до сих пор персидские влияния в коптском искусстве (в тканях в том числе) связывали лишь с господством в Египте персов в 619—629 гг. Багински и Тидар подключают к этому и другие существенные моменты — развитие международной торговли и расширение связей страны Нила с другими странами. Верны и другие их высказывания. Например, о том, что «синтез восточных влияний, эллинистической основы и коптского стиля достиг полного расцвета в первые века арабского правления» и что при Омейядах (686—750) это сочетание стилей развилось, чему не в малой степени способствовала большая подвижность исламского мира (с. 14—16). Верен тезис авторов и о том, что на позднем этапе «христиане в Египте продолжали использовать традиционные мотивы», несмотря на сильный нажим Палестины и такого центра мусульманского искусства, как Самарра (с. 16).

Но в книге Багински и Тидар встречаются не совсем точные формулировки, спорные положения, ошибочные утверждения.

Остановимся на некоторых из них. Начнем с принципиально важных. Авторы противопоставляют коптский стиль